

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

А.Е. Горчаков*

АЛФАВИТ: КОГНИТИВНАЯ ВЕРСИЯ**

Работа посвящена вопросу о возникновении алфавита. Анализируются недостатки существующего традиционного лингвистического подхода, выявляются его принципиальные ограничения. Фонетический алфавит рассматривается как двухкомпонентная информационная технология. Учитывая ограничения, присущие фонетической составляющей этой технологии, делается предположение о приоритетной роли графической составляющей при появлении фонетического алфавита. Предполагается, что прорыв в графической составляющей письма могли осуществить только люди, в сознании которых уже произошло выделение зрения из общего комплекса чувств, присущих человеку. Обосновывается существование таких людей в античном мире. Приводится трактовка известных фактов с точки зрения предложенной гипотезы, а также разбирается легенда о Кадме.

Ключевые слова: фонетический алфавит, письмо, технология письма, грамматология, фата-моргана, Кадм.

A. E. G o r c h a k o v. Alphabet: cognitive version

The work is devoted to the question of alphabet genesis. Shortcomings of the existing traditional linguistic approach and its fundamental restrictions are analyzed. The phonetic alphabet is considered as two-component information technology. Taking into account the restrictions inherent in phonetic component of this technology, the assumption of priority role of graphic component is made when becoming the phonetic alphabet. It is proposed, that the breakthrough in graphical component of the script can be achieved only by the people whose mind could select the vision from the common complex of human feelings. The existence of such people in classical antiquity is substantiated. The author gives interpretation of the known facts from the point of view of the suggested hypothesis, and also examines the legend about Kadm.

Key words: phonetic alphabet, script, technology of script, grammatology, fata morgana, Kadm.

Значительное количество исследований посвящено истории фонетического алфавита, его особенностям у разных народов, влиянию на развитие человечества. Обширная литература написа-

* Горчаков Александр Евгеньевич — кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: (495) 939-57-01; e-mail: gorchakov@philos.msu.ru

** Автор выражает благодарность В.В. Миронову за помощь в работе над статьей.

на и по вопросу неалфавитных систем письма. Однако вопрос о происхождении алфавита, о том, как он возник, о переходе от неалфавитных систем к алфавитным остается в центре научных дискуссий и исследований. В настоящей работе предлагается когнитивная версия появления финикийского алфавита, того исходного материала, из которого развились греческая, латинская и многие другие системы письма.

Прежде чем приступить к изложению самой гипотезы, необходимо определить посылки, на которых она основывается. Поскольку предлагаемая гипотеза не относится к числу лингвистических, а, как явствует из названия, базируется на некоторых предположениях о мыслительной деятельности человека, нет необходимости перечислять все гипотезы происхождения алфавита, основанные на лингвистике. Из обширной литературы, посвященной происхождению алфавитных систем письма, нас будут интересовать лишь те факты и предположения, которые имеют под собой не только лингвистическое основание. Два наиболее известных системных исследования по вопросу о возникновении письма — это работы И. Гельба и И. Фридриха. Воспользуемся этими работами для определения посылок предлагаемой версии. Первое, что надо определить, — само понятие письма. Приведем это определение: «Как предметное письмо, так и рисуночное не являются письмом в собственном смысле этого слова; это только предыстория развития письма, ибо с их помощью можно выразить лишь общий смысл сообщения, но не его точное звучание. О собственно письме можно говорить лишь там, где сообщение может быть передано пословно; неважно, какими средствами — с помощью ли словесного, слогового или звукового письма» [И. Фридрих, 2008, с. 41—42].

Итак, письмо начинается там, «где сообщение может быть передано пословно». Это принципиальный момент в определении письма, поскольку фактически утверждается, что письмо появляется тогда, когда оно становится *технологией*, т.е. появляются элементы, из которых строится сообщение, и правила соотнесения этих элементов. Важным этапом в развитии письма является его фонетизация: «Только после того, как письмо развилось в собственно фонетическую систему, воспроизводящую элементы речи, появляется возможность говорить о практическом совпадении письма с речью, а также об эпиграфике и палеографии как разделах лингвистики.

Эта колоссальная разница между *семасиографической* ступенью письма (выражающей значения и представления, лишь слабо связанные с речью) и его *фонографической* ступенью (выражающей речь) должна нами тщательно учитываться, в особенности ввиду полемики, которая постоянно возникает по вопросам, связанным

с определением письма. Те специалисты по общему языкознанию, которые определяют письмо как способ передачи речи при помощи зримых знаков и принимают письменный язык за эквивалент его устного двойника, которому он следует пункт за пунктом, недооценивают историческое развитие письма и неспособны видеть, что такое определение неприменимо к ранним ступеням письма, на которых последнее лишь слабо отражает устную форму языка. С другой стороны, филологи, которые полагают, что письмо даже после его фонетизации употреблялось для записи или передачи как идей, так и звучания, неспособны понять того, что, как только человек открыл способ выражения точных форм речи посредством письменных знаков, письмо утратило свой независимый характер и стало по преимуществу письменным заменителем своего устного двойника» [И.Е. Гельб, 2004, с. 22].

Фонетизация письма имеет огромное значение — *она обогащает технологию письма фонетической составляющей*, причем происходит это на ранних стадиях становления письма: «Подбор отдельного знака для отдельного слова привел к возникновению логографической системы. А логографическая система вскоре превратилась в фонографическую систему. Это произошло из-за необходимости точно передавать личные имена, чтобы избежать путаницы в документах отчетности» [там же, с. 188].

Из этого отрывка следует, что фонетизация происходит уже на стадии логографического письма, и с этого момента фонетическая и графическая составляющие письма идут рука об руку. Именно эта тесная связь фонетической и графической составляющих является источником разногласий в научной среде по вопросу об эволюции письма: «Для дилетанта все представляется довольно простым и выглядит примерно так: из идеографического, или фразового, письма развивается словесное письмо; из него, как следствие признания слога более мелкой звуковой единицей, — слоговое письмо и, наконец, после того как выделены звуки, — звуковое, или буквенное, письмо» [И. Фридрих, 2008, с. 42]. «Слово, слог и звук суть понятия, вошедшие в плоть и кровь нашу со школьной скамьи, поэтому мы склонны предполагать наличие такого рода знаний и у первобытного человека. Практика же показывает, что эти знания даются с трудом; что же касается выделения отдельных звуков, то осознание этого акта представляется вначале почти невозможным» [там же, с. 42].

«Однолинейный» (по терминологии И. Гельба) подход, суть которого отражена в первом приведенном фрагменте, не дает желаемого результата, ведь переходы между словесным и слоговым письмом нечетки, а уж между буквенным и слоговым письмом этот переход поначалу не представляется возможным вообще, о чем

свидетельствует второй фрагмент. Прежде чем пояснить главную причину трудности перехода от слогового письма к буквенному, приведем еще несколько цитат, подтверждающих эту мысль: «Другим моментом, который следовало бы подчеркнуть в предлагаемой реконструкции различных фаз письма, является принцип одностороннего развития. Термин “однонаправленный”, употребляемый здесь, подразумевает, что письмо развивалось в одном определенном направлении; и этот термин не следует смешивать с термином “однолинейный”, который обозначал бы, что письмо прогрессировало в одном направлении, следуя прямой линии развития. Однако ничто не было бы так противно истине, как стремление доказать, что письмо развивалось прямолинейно, так как нам хорошо известно, что долгое историческое восхождение письма со ступени на ступень совершалось путем проб и ошибок. Зато в защите одностороннего развития нет ничего странного, так как сходное направление эволюции засвидетельствовано во многих других аспектах нашей культуры, таких, как язык, искусство, религия и теория экономики» [И.Е. Гельб, 2004, с. 193—194]. «Необходимо предостеречь от ложного предположения, что изобретатель письма, после того как он на односложных словах открыл существование слога, тут же начинает разлагать все слова языка на слоги и пишет только слоговыми знаками. Потребность в слоговой записи возникает, скорее, только в отдельных случаях (особенно часто там, где требуется писать собственные имена), в остальном придерживаются привычных правил изображения слова в целом и пользуются смешанным словесно-слоговым письмом, но не чисто слоговым» [И. Фридрих, 2008, с. 46].

«Отдельный звук, хотя и является чем-то само собой разумеющимся для усвоившего его в школе образованного человека, в еще меньшей степени, чем слог, доступен пониманию примитивного человека, особенно согласный звук, потому что гласный может самостоятельно образовывать слог. Поэтому было бы ошибочным утверждать, что после того как человек освоил слог и слоговое письмо стало для него привычным, он сделал следующий шаг: стал разлагать слоги на звуки и преобразовывать слоговое письмо в звуковое. Мы еще раз должны подчеркнуть, что усвоение отдельности звука, особенно согласного звука, дается человеку с большим трудом. Над этим бьются школьники начальных классов, но позже забывают о трудностях, так как привычка к звуковому письму в конце концов делает понятие звука само собой разумеющимся. Примитивный человек, в том числе и владеющий слоговым письмом, почти совершенно не способен, как это доказывают эксперименты с современными нецивилизованными изобретателями письма, самостоятельно найти путь к звуковому письму. Слоговое

письмо кто-то назвал однажды тупиком, из которого нет пути к звуковому письму. Если мы не заблуждаемся, то выражение согласных на письме было открыто в мире всего один раз, в западносемитском консонантном письме, которое позже развилось в полное звуковое письмо в виде греческого алфавита, родоначальника всех западных алфавитных систем» [там же, с. 46—47].

Данные фрагменты приведены для того, чтобы подчеркнуть следующие мысли:

1) развитие письма носит «однонаправленный» характер, т.е. от словесного к слоговому и далее к буквенному, но путь этот не является простым, «линейным»;

2) существуют трудности выделения отдельного звука, особенно согласного, и нам известен один-единственный факт такого выделения.

Однако технология письма с момента ее фонетизации не может рассматриваться иначе, чем состоящая из двух составляющих. Любое совершенствование письма можно трактовать как совершенствование технологии, следовательно, одновременно с совершенствованием фонетической составляющей должна совершенствоваться графическая, и наоборот. Вместе с тем фонетическая составляющая письма обладает важным консервативным свойством: она привязана к физиологии человека, на что косвенно указывает последний из приведенных фрагментов. *А серьезное влияние на физиологию может оказать либо среда обитания, либо профессиональная деятельность человека.* Таким образом, модификация фонетической составляющей письма легко осуществима только до уровня слогов — это звуки, которые доступны даже ребенку, не знающему ничего о письме. Подтверждением этой мысли может служить тот факт, что у всех народов мира первые слова, которые говорит ребенок, являются одно- и двухсложными и лишь потом его речь усложняется и приходит к тому виду, который принят у данного народа. Именно поэтому самые большие споры вызывает переход от слогового письма к буквенному. В качестве иллюстрации приведем отрывок из книги И. Гельба: «Умение разделять слово на составляющие его слоги представляет собой большой шаг вперед в понимании речи, и носители языка часто обучаются ему под внешним влиянием. Разделение слогов на отдельные звуки обычно оказывается за пределами их возможностей. Естественность именно такой последовательности развития анализа речи подтверждается тем фактом, что почти все письменности, введенные в новое время в слаборазвитых обществах, остановились на слоговой ступени. Западными исследователями неоднократно отмечалась эффективность слоговых систем и та исключительная легкость, с которой удавалось обучать чтению и письму с их применением, в отличие от трудностей, воз-

никающих при усвоении алфавитных письменностей» [И.Е. Гельб, 2004, с. 196].

Чтобы у читателя не сложилось неверного впечатления, здесь самое время сказать несколько слов о том, как автор статьи понимает работу И. Гельба. Напомним, что его книга представляет собой попытку систематизировать знания о развитии письменности и на этой основе предложить научному сообществу теорию развития письма, названную им грамματοлогией. Основная идея книги, по мнению автора, содержится в следующей цитате: «Наш краткий обзор развития письма показывает, что в поступательном движении от примитивных ступеней к собственно алфавиту письмо прошло три важных этапа; в хронологическом порядке это были: (1) шумерский принцип фонетизации, (2) западносемитское слоговое письмо и (3) греческий алфавит. Принцип фонетизации, ведущий к полностью систематизированному силлабарии, впервые исторически засвидетельствован у шумеров, а позже — во многих других письменностях Старого Света. Отдельные случаи фонетизации, встречающиеся в различных частях как Старого, так и Нового Света, показывают, что этот принцип мог быть выработан в разных местах совершенно независимо.

Вторым важным этапом было создание западносемитского силлабария, включающего двадцать два знака и в принципе полностью совпадающего с соответствующим египетским силлабарием, который также состоял из двадцати двух знаков. Величие достигнутого заключается не во введении какого-либо революционного новшества, а в том, что из египетской системы были исключены словесные знаки и знаки, содержавшие больше одного согласного, а сама эта система была сведена к ограниченному числу открытых слоговых знаков. В известном смысле это достижение не выше того, которое привело к созданию кипрского силлабария, развившегося из эгейского словесно-слогового письма путем отказа от словесных знаков, хотя, разумеется, значение семитского силлабария для истории письма неизмеримо больше, чем значение параллельных новообразований в других местах, — по той простой причине, что этому письму посчастливилось стать родоначальником всех алфавитов, тогда как кипрская система умерла, не оставив прямых потомков.

Наконец, третьим важным этапом было создание греческого алфавита, связанное с введением систематического употребления приема *matres lectionis*. Этот прием и прежде имел значительное распространение на Ближнем Востоке, но употреблялся нерегулярно, от случая к случаю. Систематическое присоединение гласных к слоговым знакам привело к превращению их слоговых чтений в буквенные, а самих слоговых знаков — в алфавитные. Таким обра-

зом был создан подлинный алфавит. Как показано выше, многие другие восточные письменности тоже находились на пути, который вел к развитию алфавитного письма, весьма близкого к тому, какое было в систематическом виде впервые создано греками.

Здесь необходимо подчеркнуть, что ни один из трех названных важных этапов не был подлинно революционным в том смысле, чтобы представлять собой что-то совершенно новое. В соответствии с тем, что было сказано выше о так называемых “изобретениях” вообще, единственным типом развития, который можно реально наблюдать в истории письма, является осуществляемая на определенной ступени систематизация ранее известных приемов, употреблявшихся спорадически» [там же, с. 196—197].

Теория эволюции письма И. Гельба основана на мысли о том, что появление фонетического алфавита является неизбежным. В терминах данной статьи это означает, что технология письма рано или поздно должна была преодолеть физиологическую преграду для фонетической составляющей. Автор ни в коей мере не отрицает этого предположения И. Гельба и считает, что, скорее всего, это предположение верно. Однако автор также уверен в том, что происхождение финикийского алфавита обусловлено другими факторами, о которых речь пойдет далее. Здесь лишь скажем, что эволюция письма до стадии фонетического алфавита должна была занять гораздо больше времени, чем время, которое прошло от появления шумерской письменности до финикийского (или греческого, как угодно читателю) алфавита. В качестве иллюстрации этой мысли процитируем самого И. Гельба: «Почти неправдоподобное развитие логографии в китайском письме представляет собой хорошо известный феномен. Благодаря своему пограничному положению в Древнем мире Китай не был в такой мере затронут иноземными вторжениями, как страны Ближнего Востока. Поэтому поступательное движение эволюции китайского письма длилось тысячелетиями, не подвергаясь вмешательству иностранных влияний, и привело в результате к типу письма, идеально соответствующему потребностям тесной бюрократической клики, но совершенно недоступному девяноста процентам населения» [там же, с. 195—196].

Именно изолированность развития китайской письменности и позволяет автору статьи делать предположение о существенно более длительном периоде трансформации словесно-слогового письма в буквенное. Об изолированности развития китайского письма тоже нужно говорить осторожно, ведь влияние этого письма на письменность народов Вьетнама, Японии и Кореи сегодня является признанным фактом. Заканчивая перечисление посылок предлагаемой версии, необходимо упомянуть еще два интересных факта. Первый — трансформация буквенного письма в слоговое. Вот что

пишет И. Фридрих про эфиопский алфавит: «Согласная в своей основной форме содержит одновременно гласную *a* (или, иначе говоря, основной знак для согласного звука *k* есть знак для слога *ka*). Модификациями основного знака выражаются и другие гласные звуки, сопровождающие согласный. Для обозначения согласного без гласного используют тот же знак, что и для сочетания согласного с гласным *ē* (или *ī*). Таким образом, для *kē*, *kī* и *k* имеется всего один графический знак. Это обстоятельство не создает особых затруднений для пишущих на родном языке, чего нельзя сказать об иностранцах, изучающих этот язык. Известен еще всего один случай в мире, когда консонантное письмо развилось в слоговое, — это индийское письмо» [И. Фридрих, 2008, с. 116].

Из фрагмента следует, что известно два случая трансформации алфавитного письма в слоговое. Такая трансформация не противоречит утверждению, что переход к буквенному письму должен позволить преодолеть определенные физиологические трудности, а согласуется с ним. Если считать переход от буквенного письма к слоговому установленным фактом, то он свидетельствует о трудностях физиологического характера, которые вернули технологию письма к ее устойчивой форме. Здесь надо обязательно сказать, что с фактом перехода от буквенного письма к слоговому не согласен И. Гельб: «В истории письма этот принцип (однаправленности. — А.Г.) проявляется в том, что для достижения своего высшего развития письмо, к каким бы предписанностям оно ни восходило, должно пройти через ступени логографии, силлабографии и алфавита, притом именно в таком и ни в каком другом порядке. По этой причине никакое письмо не может начаться со слоговой или алфавитной ступени, если только оно не является заимствованием, прямым или косвенным, другой системы, уже прошедшей все предыдущие ступени. Система письма, разумеется, может остановиться на какой-либо ступени и не развиваться дальше. Так, многие письменности остановились на логографической или на силлабической ступени. Утверждение “*natura non facit saltus*” (“природа не делает скачков”) применимо и к истории письма — в том смысле, что никакая ступень развития не может быть пропущена. Поэтому если считать признанным, что из логографии сперва развивается силлабография, то так называемый египетский “алфавит”, который развился из логографии, не может быть алфавитом, а должен быть слоговым письмом. Обратного развития быть не может: из алфавита не может развиваться слоговое письмо, так же как развитие слогового письма не может привести к логографии. По этой причине абсурдно говорить о развитии эфиопского (или санскритского) силлабара из семитского алфавита» [И.Е. Гельб, 2004, с. 194].

Второй любопытный факт — названия букв алфавита. Вот что пишет по этому вопросу И.М. Дьяконов в своем комментарии к книге И. Гельба: «Недавно А.Г. Лундин привел серьезные аргументы в пользу того, что названия знаков первичного семитского квазиалфавита были не произвольными (как славянские “аз, буки, веди” и названия германских рун), а выбирались в соответствии с формой знака по зрительной ассоциации; каждое название, таким образом, было все же акрофоническим. Это не обязательно значит, что форма знаков выбиралась по акрофоническому принципу — возможно, наоборот, мнемоническое название знака могло выбираться по ложной, мнимой зрительной ассоциации. Некоторым названиям знаков и Лундин не нашел убедительных объяснений, а одно из них — waw, название знака w — даже и принципиально не может быть западносемитским акрофоническим названием, так как в западносемитском ни одно слово, кроме союза wa- ‘и’, не может начинаться с согласного w» [там же, с. 304].

Оба этих факта противоречат теории эволюции письма, хотя это противоречие и не является непреодолимым.

Основываясь на приведенных фактах и мнениях ученых, можно утверждать, что в версии эволюции письма из слогового в буквенное есть моменты, которые довольно сложно объяснить, находясь в рамках этой версии. Кроме того, важное замечание по поводу лингвистической версии происхождения алфавита состоит в том, что она не только не объясняет, но даже и не поднимает вопроса о том, как в употребление античных людей вошли знаки (и звуки), лишенные какого бы то ни было значения. Таковы были посылки, из которых исходил автор, работая над предлагаемой версией.

Если теперь посмотреть на письмо с точки зрения технологии, то переход от слогового письма к буквенному представляется не эволюционным переходом, а скачкообразным, революционным. Основанием для этого утверждения служит то, что буквенное письмо заставило человека преодолеть физиологическую преграду, стоявшую на пути выделения отдельного звука (особенно согласного) из слога. Вот что пишет об этом И. Фридрих: «И вот среди этих главным образом словесно-слоговых письменностей в конце II тысячелетия до н.э. появляется совершенно новая, значительно проще устроенная и несравненно более удобная система — семитское буквенное письмо. На место сотен знаков, нередко сложных в графическом отношении и имеющих весьма разнообразные чтения, а иногда и по несколько чтений каждый, приходит система простых по внешней форме и однозначных письменных знаков, числом всего около двух десятков, система, учитывающая уже не смысл, а только лишь звучание передаваемых слов (правда, звучание это на первых порах передается несовершенно, так как глас-

ные на письме не фиксируются), система, которой легко научиться, которой много проще пользоваться и которая тем самым обеспечила письму гораздо более широкое распространение, чем то, которое могли иметь существовавшие до тех пор громоздкие системы письма» [И. Фридрих, 2008, с. 95—96].

Обратим внимание на слова «система, учитывающая уже не смысл, а только лишь звучание передаваемых слов» и добавим к этому тот факт, что буква также является абстрактным образом, не связанным с конкретной сущностью. Да, для усвоения ее фонетического значения используется образ знакомого предмета, или, иными словами, привлекается некоторая сущность, но делается это лишь для того, чтобы помочь человеку, осваивающему алфавит, выделить отдельный звук. Более того, после установления связи между буквой и звуком (фонетизации буквы) сущность удаляется из рассмотрения. Так человек учится технологии фонетического письма. Обратим внимание на то, что в начале обучения всегда стоит образ — символ буквы. На уроке в начальных классах изучение любой буквы начинается со слов учителя: «Дети, посмотрите, это буква...» Такой способ обучения технологии буквенного письма, в основе которого стоит образ, наводит на мысль о том, что в его основе лежит какое-то прорывное изобретение в графической составляющей письма. Этим изобретением является как раз сама буква — образ, оторванный от сущности. В основе буквенного письма лежит простая мысль: образ может существовать без предмета. Но это сегодня эта мысль представляется простой, ведь для нас понятие нуля знакомо с детства (хотя его изучение в школе и вызывает определенные затруднения), для нас нет ничего необычного в понятии пустого множества — это определение знакомо нам из курса высшей математики. Концентрированно эта мысль выражена М. Маклюэном: «Соединив бессмысленный символ с бессмысленным звуком, мы образовали значение и создали образ западного человека» [М. Маклюэн, 2005, с. 104].

Теперь попробуем представить себе, насколько идея пустого множества (бессмысленного символа и бессмысленного звука) естественна для античного человека. Первая мысль, которая приходит нам в голову, — это мысль о том, что идея пустого множества и человек античный плохо совместимы. Из этой ситуации два выхода: либо отвергнуть идею о том, что античный человек мог прийти к понятию пустого множества (на первый взгляд этот выход из ситуации представляется единственным), либо признать, что в момент изобретения фонетического алфавита в Средиземноморье существовали люди, отличные от античных, *другие люди, для которых идея пустого множества, образа, оторванного от сущности, была понятна.*

В начале статьи мы представили основные рассуждения, присущие идее о том, что античный человек не мог оперировать понятием пустого множества. В этом случае изобретение алфавита обосновывается трудностями письма в словесно-слоговых системах. Однако и по сей день в Китае наличие множества иероглифов не привело к изобретению алфавита. Просто из множества знаков для обучения выбирается необходимый минимум, и этой проблемы больше нет. Кроме того, значительное количество иероглифов является косвенным следствием воздействия алфавита на развитие человечества. Многие (если не большинство) из этих иероглифов не понадобились бы, если бы развитие человечества застопорилось на словесно-слоговой стадии письма.

Эволюционная версия на сегодня является доминирующей, мы на ней больше останавливаться не будем, поскольку существует обширная литература по этому вопросу и в первую очередь уже упомянутая книга И. Гельба. Перейдем ко второй версии — об изобретении алфавита *другими людьми*. При всей кажущейся неправдоподобности этой версии мы легко найдем этих людей в античном Средиземноморье. Для того чтобы это сделать, надо немного отвлечься от Античности и заглянуть в исследования, посвященные Средневековью. Здесь нам будет интересно исследование М. Маклюэна «Галактика Гутенберга». Вот что он пишет об изменении в соотношении чувств под воздействием алфавита: «Только фонетический алфавит провоцирует разрыв между глазом и ухом, семантическим значением и визуальным кодом; и лишь фонетическое письмо способно перенести человека из племенной жизни в цивилизацию, открыть для него возможность не только слышать, но и видеть» [там же, с. 62—63].

Основываясь на этом высказывании, сделаем предположение, что изобретатели алфавита просто передали ему одно из своих качеств, а именно что они были людьми, для которых зрение было основным из всех чувств, присущих человеку. Иными словами, надо попробовать найти в античном Средиземноморье людей, сознание которых было бы подобно сознанию современного человека, — людей, воспринимавших окружающий их мир в основном с помощью зрения. Это оказывается довольно просто сделать: такими людьми, безусловно, была часть финикийцев. Именно та их часть, которая занималась мореплаванием. В море никакие другие чувства, кроме зрения, не играют роли. Следовательно, занимаясь мореплаванием из поколения в поколение, финикийские мореплаватели становились людьми с обостренным восприятием мира именно через зрение. *Профессиональная деятельность, осуществляемая столетиями, не могла не оказать воздействие на их сознание.* Заметим, что выделение значения зрения в изобретении алфавита

не является приоритетом данной работы. Первую интересную теорию, основанную на обособленной роли зрения, предложил Х. Моран [*H.A. Moran, D. H. Kelley, 1969, p. 1—142*]. Его теория связывает изобретение знаков алфавита со знаками созвездий зодиака, т.е., глядя на небо, пользуясь зодиакальным календарем, античные люди пришли к идее алфавита. То, что алфавит мог быть составлен на основе формы созвездий, представляется весьма вероятным. К достоинствам теории Х. Морана следует отнести то, что это *первая лингвистическая теория изобретения алфавита*. Но его теория не объясняет основного свойства буквенного письма — возможности создать образ (знак), не имеющий соответствия с объектом в природе. Творчество Жюль Верна, теория космических полетов Циолковского — вот наиболее яркие и известные примеры проявления этого свойства. Признать это свойство побочным эффектом нельзя. Но трансформация сознания финикийских мореплавателей была лишь **когнитивной предпосылкой**, изобретению же алфавита способствовало стечение еще двух факторов.

Вторым фактором следует признать **профессиональную потребность** финикийских мореплавателей в технологии обозначения объектов — потребность, проявлявшуюся при составлении морских карт (или их аналогов) и при общении со своими торговыми партнерами. И. Гельб указывает, что при частом использовании имен собственных наблюдались изменения в письме, приближавшие его к алфавитному. «По данным Олбрайта, египетское полногласное или групповое написание впервые появилось около 2000 г. до н.э., во время Среднего царства, в так называемых “текстах проклятий”, призывавших на голову правителей чужих стран гнев богов и разные кары. В последующие столетия употребление полногласных написаний быстро развивалось, пока не достигло своей вершины в Новом царстве, в эпоху XVIII и XIX династий, правивших в XVI—XIII вв. до н.э. Начиная с этого периода египетское полногласное написание постепенно деградировало, пока к X в. до н.э. его употребление не стало совершенно беспорядочным. Из данных, приводимых Эджертеном, нам известно несколько примеров полногласных написаний, восходящих еще к Текстам пирамид времени первых египетских династий. Это означает, что упомянутый прием не был “изобретен” вдруг где-то около 2000 г. до н.э., а появился в результате медленного и постепенного развития, совершенно аналогичного тому, которое впоследствии имело место в семитских письменностях. Достаточно хотя бы вспомнить, что в ранних семитских письменностях полногласное написание встречается редко, гораздо реже, чем в более развитой системе новопунического письма. В отношении египетского полногласного написания можно предположить, что в условиях часто возникавших

в период между XII и XIX династиями интенсивных международных контактов как раз необходимость транслитерировать имена иноземных правителей и названия чужих стран и явилась тем главным стимулом, который способствовал систематизации приема, ранее употреблявшегося весьма нерегулярно» [И.Е. Гельб, 2004, с. 164].

У финикийских мореплавателей потребность «транслитерировать имена иноземных правителей (торговых партнеров. — А.Г.) и названия чужих стран» была на протяжении длительного времени. Другая потребность, которая двигала финикийскими мореплавателями, — потребность как-то обозначать ключевые ориентиры в описании своих маршрутов, т.е. давать имена собственные, географические названия.

И наконец, следует помнить, что изобретения человека в большинстве своем, особенно на ранней стадии развития общества, являются **заимствованиями у природы**. Собственно, на стадии отсутствия буквенного письма по-другому и быть не может, поскольку сознание человека отражает лишь те сущности, которые оно воспринимает из окружающего мира через органы чувств (отсутствует понятие пустого множества). Существует ли какое-либо физическое явление, которое могло бы подтолкнуть финикийских мореплавателей к изобретению алфавита? Да, существует. Это явление носит название «фата-моргана». Вот что написано о нем в Большом энциклопедическом словаре: «ФАТА-МОРГАНА (итал. *fata morgana*) — сложная и редко встречающаяся форма миража, при которой на горизонте появляются сложные и быстро меняющиеся изображения предметов, находящихся за горизонтом. В некоторых странах Средиземного м. (Италии, Египте и др.) мираж называется фата-моргана».

Почему именно фата-моргана? Про это явление известно, что оно может показывать человеку события, происходящие за сотни километров от его местоположения. Камиль Фламарион в своей книге «Атмосфера: популярная метеорология» описывает случай, когда войска перед сражением при Ватерлоо видели жители бельгийского города Вербве, находившегося в ста пяти километрах от места сражения. Таким образом, люди, наблюдающие фата-моргану, могут иногда распознать сущность, которая в ней отображается, т.е. понять образ того, что они видят. Если учесть, что эти *люди знают местоположение прообраза* и ситуация эта повторяется неоднократно, то мысль о том, что образ может существовать отдельно от сущности, не будет представляться им невозможной. Кроме того, фата-моргана может представлять собой не один статичный образ, а череду образов, сменяющих друг друга.

Здесь самое время упомянуть еще одну интересную нелингвистическую версию, принадлежащую перу С. Гордона, — о случай-

ном изобретении алфавита [С.Н. Gordon, 1970, р. 193—197]. Но случайное событие наряду с вероятностью вполне определенное понятие в математике. Для случайного события характерна:

- неопределенность исхода единичного эксперимента;
- возможность неограниченного повторения в одинаковых условиях;
- стабилизация относительной частоты при увеличении числа экспериментов.

Применительно к нашему случаю следует рассматривать в качестве случайного эксперимента наблюдение конкретным финикийским мореплавателем сложного миража (фата-моргана), а в качестве исходов этого события следует рассматривать осознание им мысли о возможности существования образа отдельно от сущности (мысли о пустом множестве). Тогда:

1) в каждом конкретном испытании мысль о пустом множестве могла прийти в голову мореплавателю или не прийти;

2) значительное количество повторений эксперимента обуславливалось длительным периодом деятельности и значительным количеством людей (причем некоторые из них наверняка становились участниками случайного эксперимента несколько раз);

3) свойство статистической сходимости проявилось в том, что финикийские моряки пришли к мысли о возможности существования образа без сущности, что и послужило еще одним фактором, способствовавшим изобретению алфавита.

Изобретение алфавита стало результатом стечения трех факторов: готовности финикийских мореплавателей опереться на образ, признать его первичность; высокой потребности в простой и эффективной технологии обозначения предметов окружающего мира с большим удельным весом имен собственных среди этих предметов; наличия физического явления, подсказавшего эту технологию.

Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, рассуждая о возможности изобретения алфавита, автор все время употреблял сочетание «финикийские мореплаватели». Это сделано для того, чтобы подчеркнуть *профессиональную направленность* версии. Во-вторых, следует помнить, что первой морской цивилизацией на Средиземном море была критско-минойская. Возможно, что первые шаги к изобретению фонетического алфавита или даже само изобретение были сделаны на Крите.

Против предположения об изобретении фонетического алфавита на Крите говорит отсутствие каких-либо сведений о передаче минойцами этого изобретения финикийцам или какому-либо другому народу. Если бы финикийцы научились этой технологии у минойцев, в эпосе скорее всего были бы обнаружены какие-либо следы этого факта.

В пользу предлагаемой версии говорят еще два факта, которые относятся к особенностям финикийского алфавита. Во-первых, интересен сам состав финикийского алфавита. В понятиях, соответствующих буквам, нет связи с морем (если не считать понятия «рыба»). Противоречит ли этот факт предлагаемой версии? Вовсе нет, ведь речь идет о технологии, а технологии необходимо учить людей, ею не владеющих. Проще всего проводить такое обучение на знакомых им понятиях, а эти понятия в любом случае должны принадлежать к категории сухопутных и часто встречающихся, поскольку новые кадры могут быть набраны только из людей, мало знакомых с морем. Кроме того, предлагаемая версия предполагает наследственный характер передачи специального знания, к которому поначалу относился фонетический алфавит. Следовательно, стояла задача — обучить молодых членов семьи этой технологии, а эти молодые люди к моменту начала обучения были еще вполне сухопутными по своему сознанию. Другим объяснением состава финикийского алфавита может служить просветительская деятельность финикийских мореплавателей. Просто в какой-то момент, понимая преимущества используемой ими системы письма, они решили передать это знание всему народу Финикии, и тут снова мы приходим к проблеме обучения людей, малознакомых или же совсем незнакомых с морем. Обе версии сходятся в том, что состав финикийского алфавита можно объяснить потребностями обучения, т.е., иными словами, потребностями передачи технологии. Похожие рассуждения мы находим и в комментариях Дьяконова к книге И. Гельба: «Если мы сопоставим протобиблские письма, то некоторые из них, безусловно, изобразительны, например «рыба», «птица», «змея», но другие являются чисто геометрическими, хотя при некотором воображении можно подыскать сходство с головой быка, посохом, планом дома и т. п. Мне кажется все же, что названия давались буквам искусственно (как “а — арбуз, б — бык... я — яблоко”), но исходя из двух соображений: 1) слово должно было начинаться с данного согласного плюс гласный а (*'alp, *bait, *dalt, *garni, *hai, *waw, *zai(n/t), *liait, *ait, *yad, *kapp, *lamri, *maim, *nahs, *samk, *ain, *pai, *sai, *qaw(p), *ra's, *san, *taw); 2) предмет, избранный для названия, по возможности (но не обязательно) должен был напоминать внешнюю форму знака. И то и другое условие впоследствии уже не соблюдались, но список названий для букв алфавита сохранился, с небольшими изменениями, у финикийцев, евреев и греков. Сами эти названия, с нашей точки зрения, были созданы в Финикии во II тысячелетии до н.э. Место определяется тем, что только финикийский разрешал двухсложное окончание слога; время же определяется тем, что еще должны были сохраняться дифтонги в позициях, где они

впоследствии превратились в долгие гласные» [И.Е. Гельб, 2004, с. 304—305].

Во-вторых, загадкой является то, что в состав финикийского алфавита входят только согласные звуки. Получается следующая цепочка развития письменности: словесное письмо — словесно-слоговое (слоговое) письмо — консонантный алфавит — греческий алфавит. Переход от консонантного алфавита к греческому потребовал введения гласных, которые были на этапе слогового письма, но отсутствуют в консонантном алфавите. Такое развитие выглядит противоестественным, что и дало основание И. Гельбу утверждать, что алфавит начинается с его греческой версии, а финикийский алфавит — это слоговое письмо, в котором графически не фиксируются гласные. В рамках же предлагаемой версии этот факт находит совершенно другое объяснение: финикийские мореплаватели были заинтересованы в определении знаний человека простым и эффективным способом. Таким способом было удаление гласных из их алфавита и одновременное выделение согласной буквы из слога. Человек, знакомый с их технологией, мог легко это доказать, и никакая случайность не помогла бы человеку, незнакомому с этой технологией, быть принятым за «своего». Для того чтобы пользоваться финикийским алфавитом, а следовательно, и знаниями финикийских мореплавателей, человек должен был пройти специальное обучение, и «дипломом» такого человека становилась его речь. Такая технология обеспечивала еще и определенный уровень безопасности важных сведений, гарантируя, если говорить современным языком, от случайной утечки.

Теперь надо сказать несколько слов о судьбе изобретения финикийских мореплавателей. Сначала предоставим слово И. Гельбу: «Семитское происхождение греческого алфавита не требует особых доказательств. Уже сама греческая традиция, называвшая греческое письмо *Φοινικία γράμματα* или *σημέτα*, т.е. “финикийским письмом”, ясно указывает, где именно следует искать истоки этой системы. К тому же даже поверхностное знакомство с формой, названиями и порядком перечисления греческих знаков тотчас приводит к заключению, что все это должно было быть заимствовано из семитской системы письма» [там же, с. 171]. И далее: «Однако на самом деле область наших поисков следует ограничить финикийцами — этими мореходами древности, которые были единственным из всех семитских народов, отважившимся в поисках новых горизонтов пуститься в Великое море. Не греки прибыли на побережье Азии, чтобы позаимствовать у семитов систему их письма: таким путем письменности никогда не переходят от народа к народу. Это сами финикийцы, наводнив весь греческий мир своими торговыми факториями, принесли грекам свое письмо. Финикийское происхождение греческого письма подтверждается не

только греческой традицией, но... также и данными, полученными в результате изучения наименований знаков греческой и семитской систем» [там же, с. 173].

Момент передачи финикийского письма грекам очень интересен сам по себе. Действительно, как греки получили финикийский алфавит? Согласно И. Гельбу, усвоение греками финикийского алфавита произошло в результате смешения народов (греческого и финикийского), и менее развитые на тот момент греки перенимали алфавит у более развитых финикийцев. Такое предположение не вписывается в рамки предлагаемой версии, ведь в этом случае следует считать, что многие финикийцы (или все) владели технологией фонетического алфавита, и не просто владели, а могли обучать ей людей неподготовленных. Зато в рамках предлагаемой читателю версии находит свое место легенда о Кадме. Приведем здесь описание того, как Кадм оказался на греческой земле по Геродоту и Куну (он излагает миф о Кадме, основываясь на «Метаморфозах» Овидия): «Гефиреи же, к которым принадлежали убийцы Гиппарха, по их собственным словам, пришли первоначально из Эретрии. А, как я узнал из расспросов, они были [по происхождению] финикийцами, прибывшими вместе с Кадмом в землю, теперь называемую Беотией. Здесь они поселились, получив по жребию Танагрскую область...» [Геродот, V, 57]. «Когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился ее отец, царь Сидона, Агенор. Ничто не могло его утешить. Он призвал трех сыновей своих — Фойникса, Киликса и Кадма — и послал их отыскивать Европу. Он запретил своим сыновьям под страхом смерти возвращаться домой без сестры. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма. Они основали два царства: Фойникс — Финикию, а Киликс — Киликию, и остались в них» [Н.А. Кун, 1987, с. 136].

Из этих фрагментов следует:

— Кадм покинул родину скорее против своей воли, нежели добровольно;

— Кадм, безусловно, принадлежал к верхушке финикийской знати.

Принадлежность к верхушке финикийской знати дает нам основание говорить о Кадме либо как об одном из хранителей технологии фонетического письма, либо как о человеке, хорошо ею владеющем. Нам неизвестны мотивы, которыми он руководствовался, когда обучал греков фонетическому письму. Важно, что греки оказались готовы к восприятию этой технологии. Вот как описывает передачу грекам финикийского письма Геродот: «А финикийяне эти, прибывшие в Элладу с Кадмом (среди них были и упомянутые Гефиреи), поселились в этой земле и принесли эллинам много

наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам. Первоначально у кадмейцев письма были те же, что и у остальных финикийян. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из эллинских племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикийян письменность, изменили также по-своему немного форму букв и называли письма финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикийяне принесли их в Элладу). Ионяне также издревле называют книги кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьих и овечьих шкурах. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах» [*Геродот*, V, 58].

Это описание вполне согласуется с современными воззрениями на возникновение греческого письма, поскольку факт происхождения греческого алфавита от финикийского (алфавита или силлабара) является общепризнанным.

Опираясь на легенды и мифы в научном исследовании следует чрезвычайно осторожно. В связи с высказанным предположением о передаче технологии буквенного письма грекам группой финикийцев во главе с Кадмом надо попытаться найти ответ на три важных вопроса: 1) был ли Кадм реальным человеком? 2) когда произошла передача этой технологии? 3) что, собственно, было передано?

В пользу того, что Кадм был реальным человеком, говорит тот факт, что из всех греческих городов только у Фив в эпосе указывается имя основателя, остальные же города были созданы богами. У Павсания довольно много упоминаний о Кадме, но всегда как о человеке, приведем лишь два из них: «В Спарте есть так называемая Расписная лесха (Собрание) и около нее святилища героев: Кадма, сына Агенора, а из его потомков Эолика, сына Фера, и Эгея, сына Эолика. По их словам, эти святилища сооружены Месисом, Леасом и Европом, которые были сыновьями Гирея, сына Эгея» [*Павсаний*, III, XV, 6]. «Говорят, что землю фиванскую населяли сначала эктены, а царем эктенов был автохтон (местный житель) Огиг; поэтому-то у многих поэтов наиболее распространенным эпитетом Фив служит название Оигии. Говорят, что эти эктены погибли от чумной заразы; после эктенов поселились в этой стране гиганты и аоны, как мне кажется, беотийские племена, а не пришлые люди. Когда прибыл Кадм и финикийское войско, побежденные в битве гиганты на следующую ночь бежали (в Фокиду), а аоны обратились к Кадму с просьбой о защите, и он разрешил им остаться и жить вместе с финикийцами. Аоны жили в деревнях, Кадм же построил город, который еще и до нашего времени носит название Кадмеи. Когда впоследствии город вырос, то Кадмея стала акрополем расположившихся ниже ее Фив» [там же, IX, V, 1].

Самым же сложным является вопрос о времени передачи алфавита грекам. Вот что пишет по этому поводу И. Фридрих: «Неизвестны подробности того, как греки совершили последний шаг на пути к изображению гласных на письме, и также неизвестно время заимствования финикийского алфавита греками. Так как древнейшие греческие надписи относятся к VIII в. до н.э., то, возможно, как считает И. Гельб, что финикийское письмо было введено здесь в IX в. до н.э.; некоторые исследователи называют, однако, XI или даже XII в. Процесс заимствования финикийского письма греческими племенами, вероятно, произошел для всех племен одновременно. В древнейших греческих надписях буквы еще очень похожи на финикийские, направление письма справа налево; нет пробелов между словами, не различаются по долготе и краткости гласные е и о. Но гласные как таковые появляются уже в древнейших надписях; не зафиксирована такая стадия в развитии греческого письма, когда гласные не обозначались или обозначались бы неполно» [И. Фридрих, 2008, с. 128].

Сразу отметим, что упомянутый факт одновременного заимствования финикийского письма греческими племенами также говорит в пользу предлагаемой версии. Теперь несколько слов о времени заимствования. Если считать, что заимствование произошло в IX в. до н.э., то легенда о Кадме выглядит довольно проблематично. Это не должно служить преградой, ведь, например, если взять миф о создании Карфагена, то окажется, что герой Троянской войны (XIII—XII вв. до н.э. по археологическим данным) Эней посетил город, который был основан (опять же по археологическим данным) в IX—VIII вв. до н.э. Тем не менее при всей вольности датировки мифы и легенды сохраняют определенную временную последовательность, пренебрегать которой нельзя. Попробуем выделить в мифологии ключевые события, связанные с мифом о Кадме, и выстроить определенную хронологию, не претендуя на строгую достоверность. Начнем с Геродота, вот что он пишет о времени Кадма: «Ездил я также и на Фасос и нашел там основанное финикиянами святилище Геракла, которые воздвигли его на своем пути, когда отправились на поиски Европы. И это было не менее чем за пять поколений до рождения в Элладе Амфитрионова сына Геракла» [Геродот, II, 44]. «Напротив, от Диониса, которого считают сыном Семелы, дочери Кадма, до нашего времени протекло самое большее 1600 лет, от Геракла, сына Алкмены, — около 900 лет, а от Пана, сына Пенелопы (эллины ведь считают Пана сыном Гермеса и Пенелопы), прошло до сегодняшнего дня еще меньше лет, чем от Троянской войны, — только 800 лет» [там же, II, 145].

Из приведенных фрагментов следует, что между Гераклом, сыном Амфитриона, и Кадмом находится временной промежуток

либо в 700 лет (второй фрагмент), либо в пять поколений (первый фрагмент). Вторая цифра представляется более правдоподобной, поскольку имена предков и потомков четко прослеживаются. Время же, прошедшее со времен Геракла и Троянской войны до Геродота (примерно 800 лет), также представляется правдоподобным, поскольку подтверждается археологической датировкой. Конечно, трудно оценить, сколько лет содержится в одном поколении, о котором пишет Геродот, но разумным представляется предположение о том, что Кадм оказался в Беотии в XIV—XIII вв. до н.э. Это подтверждают и цилиндры-печати XIV в. до н.э., найденные на раскопках в Фивах [К.М. Колобова, 1970, с.111—120]. С этой хронологией согласуется и упомянутое ранее предположение о возникновении греческого алфавита в XII—XI вв. до н.э.

Здесь самое время сказать несколько слов о том, на чем писали финикийские мореплаватели свои тексты. Известно, что выбор материального носителя для хранения данных определяется двумя факторами — типом данных и аудиторией, для которой они предназначены. Тексты в ту эпоху могли быть нанесены на камень, глину, дерево. Но эти материалы плохи для использования их в море — камень и глина легко тонут, а дерево громоздко. Куда удобнее, с точки зрения мореплавателя, записать текст на коже: удобно хранить, кожа слабо подвержена влиянию соленой влаги, на ней удобно писать. Возможно, упоминание Геродота о том, что ионяне называют книги кожами, и указывает на тот факт, что финикийские мореплаватели пользовались ими для письма и причили к этому же ионян.

Теперь рассмотрим вопрос о том, что именно мог передать Кадм древним грекам. Здесь нам помогут синайская и угаритская письменность. Оба этих типа письма относятся примерно к XV в. до н.э., они оба содержат примерно одинаковое количество знаков (угаритское — 30 [И. Фридрих, 2008, с.121], синайское — 32 [там же, с. 81]), но синайское письмо использует египетские иероглифы, а угаритское — клинопись. В рамках рассматриваемой версии возникновения алфавита этот факт находит простое объяснение: к XV в. до н.э. в Финикии уже было изобретено буквенное письмо и предпринимались попытки использовать его для общения с партнерами, поэтому к югу от центра Финикии мы находим иероглифическую версию, а к северу — клинописную. Создание версий алфавита в графике торговых партнеров может рассматриваться как попытка передать им эту технологию. Однако, и это еще одно подтверждение предлагаемой версии, эти попытки оказались неудачными в силу отсутствия у этих народов серьезных навыков мореплавания. На существование некоего первоначального алфавита указывает и следующий фрагмент из книги И. Фридриха: «Самым древним из достаточно ясно читаемых текстов, написанных се-

митским буквенным письмом, является финикийская надпись на саркофаге царя Библа Ахирама. После долгих колебаний исследователи датируют ее теперь примерно 1000 г. до н.э. Однако следы этой письменности могут быть прослежены вглубь еще на несколько веков. Следы эти оказываются тройкого вида. Во-первых, около десятка коротких надписей II тысячелетия до н.э. из различных районов Палестины, которые называются протопалестинскими надписями и рассматриваются как предшественники буквенного письма. Во-вторых, имеющая клинописный облик, но по сути почти чисто алфавитная письменность Угарита, относящаяся к XV в. до н.э. И наконец, возможно, также и синайская письменность, столь долго являвшаяся предметом споров. В какой степени протобиблское слоговое письмо может также рассматриваться как предварительная ступень семитского буквенного письма, до сих пор не обсуждалось. Доля участия синайской письменности в развитии буквенного письма, если не в качестве его предварительной ступени и связующего звена с египетским письмом, то хотя бы в качестве более древней боковой ветви, ввиду спорности дешифровки и чтения этой письменности пока не может быть определена. Зато алфавитная клинопись из Угарита, как бы велико ни было ее отличие от семитского буквенного письма по форме знаков, может считаться довольно близкой его родней по своей внутренней форме. Угаритская письменность не только является почти исключительно консонантной, но и порядок знаков, если не считается с некоторыми особенностями, о которых сейчас будет идти речь, в основном тот же, что и в более позднем западно-семитском алфавите... Если оставить в стороне последние три буквы, которые, скорее всего, являются дополнительными, можно сказать, что большинство угаритских знаков, как и их порядок, отражают, по-видимому, более древнее состояние западно-семитского алфавита, соответствовавшее большому числу фонем более древнего языка. Как правильно установил С. Гордон, финикийско-еврейский алфавит представляет собой более позднее состояние этого первоначального алфавита. <...> Таким образом, угаритский алфавит обнаруживает древний порядок букв существовавшего уже в XV в. до н.э. западно-семитского алфавита, порядок, предшествовавший перечисленным звуковым изменениям, а финикийско-еврейский алфавит отражает новый, сокращенный порядок букв, образовавшийся после этих изменений» [И. Фридрих, 2008, с. 97—98].

Попытка передачи технологии буквенного письма грекам на основе первоначального алфавита, существовавшего (как это следует из приведенного фрагмента) уже в XV в. до н.э., и была принята Кадмом. Нельзя исключать, что были и другие попытки передачи этой технологии, о которых нам неизвестно. Важно лишь то, что, несмотря на мотивы, которыми руководствовался Кадм,

его попытка оказалась единственно-успешной, если не сказать триумфальной.

Именно так, как описано в мифе о Кадме, и передаются *технологии*. Успех же усвоения учениками новых знаний зависит от степени их готовности воспринять эти знания. Именно греки в силу географических особенностей их страны были ближе всего к финикийцам. Изрезанное побережье, наличие значительного количества островов толкали греков к развитию мореплавания, т.е. в их сознании происходили изменения, сделавшие процесс усвоения фонетического алфавита сначала легким, а затем и творческим. Не случайно господство на Средиземном море перешло от финикийцев к грекам. Следом за греками господствовать на море стали римляне, окончательно вытеснившие финикийцев с морских просторов по итогам Пунических войн. Добавим, что греческий алфавит перешел от греков к римлянам через этрусков, которые тоже были неплохими мореплавателями. Все известные нам на сегодня факты успешной передачи фонетического алфавита на начальном этапе происходили от одного морского народа к другому.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что лингвистическая версия происхождения алфавита не является единственной. Не менее важным представляется изучение когнитивных предпосылок возникновения современной письменности, одна из которых и была представлена в данной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гельб И.Е. Опыт изучения письма: Основы грамматики / Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. И.М. Дьяконова. 2-е изд., стереотипное. М., 2004.

Геродот. История / Пер. с греч. и коммент. Г.А. Стратановского; Вступ. статья И. Е. Сурикова. М., 2004.

Колобова К.М. Находки цилиндров-печатей в Фивах и спор о Кадме // Вестн. древней истории. 1970. № 2.

Кун Н.А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / Сост. А.А. Нейхардт. М., 1987.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. М., 2005.

Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. 4-е изд. М., 2002. Т. 1.

Фридрих И. История письма / Пер. с нем.; Под ред., с предисл. и коммент. И.М. Дьяконова. 3-е изд. М., 2008.

Gordon C.H. The accidental invention of the phonemic alphabet / Journal of Near Eastern Studies. 1970. Vol. 29. N. 3.

Moran H.A., Kelley D.H. The alphabet and the ancient calendar signs / Foreword by D. Diringer / Palo Alto. 1969. Vol. xviii.